

О.Б. Бубенок

Киев

К вопросу о причинах веротерпимости в Хазарии

Еще в первой половине XIX в. В. В. Григорьев обратил внимание на такую особенность хазарского общества, как религиозная толерантность правящих слоев Хазарского каганата [Григорьев 1834]. Со временем, по мере накопления новых данных письменных источников, проблема веротерпимости хазар получила дальнейшее свое развитие в исследованиях А. Крымского, Д. Данлопа, М. И. Артамонова, О. Прицака, Б. - Н. Заходера, А. П. Новосельцева, Т. М. Калининой и других историков [Крымский; Dunlop 1954; Артамонов 1962, 266, 325, 327, 329, 330—331, 334, 412, 414—415; Pritsak 1978, 261—281; Заходер 1962, 146—166; Новосельцев 1990, 153; Калинина 2000, 15—16].

Действительно, уже хрестоматийными стали сведения мусульманских и хазаро-еврейских авторов об особой веротерпимости хазар. Так, в первой половине X в. ал-Масуди сообщал: "В хазарской столице (Итиле. — О. Б.) по правилу семь судей (кади); два из них для мусульман; два — для хазар, которые судят в соответствии с Торой; два — для христиан, которые судят в соответствии с Евангелием и один для саклабов, русов и других язычников, которые судят согласно языческому [обычаю], т.е по велениям разума" [Минорский 1963, 194]. Кроме того, ал-Масуди отмечал, что на особом положении в Хазарии находилась гвардия военных нвемников-мусульман, которые были выходцами из Хорезма и назывались *ал-арсийа* или *ларисийа*. Ал-Масуди, как мусульманин, особо подчеркивал лояльное отношение хазарского царя (бека) к мусульманам: "В его стране, помимо ларисийа, находится много мусульманских купцов и ремесленников, которые наехали в страну хазарского царя ввиду справедливости и безопасности, [господствующих] там. У них соборная мечеть с минаретом, который возвышается над царским замком, а также и другие мечети со школами, в которых дети обучаются Корану" [Минорский 1963, 193—194]. О нахождении большого числа мусульман в хазарской столице писали также Ибн Русте, ал-Истахри, Ибн Фадлан, ал-Йакут и другие мусульманские авторы. Так, Ибн Русте о населении хазарской столицы писал, что там "живут мусульмане, имея мечети, имамов, муздинов и начальные училища" [Хеольсон 1869, 17].

Кроме того, хазарский царь Иосиф в своем письме Хасдаю ибн Шафруту подчеркивал свою особую заботу о мусульманах: "Я охраняю устье реки и не пускаю Русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян, и (точно также) всех врагов (их) приходить к "Воротам". Я веду с ними войну. Если бы я их оставил (в покое) на один час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада" [Кокоецов 1932, 102]. Естественно, что такой заискивающий тон в письме Иосифа мог быть продиктован тем, что хазарский царь в середине X в. стремился найти себе союзника

в лице мусульманской Испании. Тем не менее, данные мусульманских авторов лишь саидетельствуют о том, что Иосиф в данном случае не преувеличивал свое толерантное отношение к иноверцам. Говоря же о населении хазарской столицы, хазарский царь, как и мусульманские авторы, особо подчеркивал, что там "живут иудеи, христиане и исмаильтяне" [Коковцов 1932, 102].

Данные мусульманских источников позволяют также считать, что не все представители хазарского этноса придерживались иудаизма — среди самих хазар были и мусульмане, и христиане, и язычники. Такая ситуация даже породила в средневековой историографии анекдот, содержащийся в сочинениях Ибн Русте и Гардизи. Согласно данным Ибн Русте, правитель дагестанской области Сарир по пятницам ходил в мечеть, по субботам — в синагогу, а по воскресеньям — в церковь. Гардизи в своем сочинении повторяет этот рассказ, но отмечает, что данной традиции продолжал придерживаться не местный князь, а жители области Сарир [Заходер 1962, 159].

Исследователи по-разному пытались объяснить особую терпимость хазар-иудеев, правивших Хазарским каганатом, к представителям других религий. Так, этому вопросу немало внимания уделял М. И. Артамонов. По его мнению, "веротерпимость хазар представляется исключением из обычной в средневековье религиозной практики" М. И. Артамонов считал: "Объясняется веротерпимость хазар чрезвычайной пестротой Хазарского государства в социально-экономическом отношении и в особенности тем, что ко времени превращения иудейства в религию централизованного правительства Хазарии в наиболее передовых частях этого государства уже прочно утвердилось христианство. Мусульманство также находило себе немало сторонников среди связанного с Востоком городского населения Хазарии, а равным образом среди ее полукочевой полуфеодальной знати... Широкая веротерпимость Хазарского государства связана не только с его политическим строем, при котором в состав Хазарии входили многие вассальные княжества, сохранявшие значительную долю самостоятельности, в том числе и в религиозной области, но и с крупной ролью этой страны в международной торговле, которая привлекала к ней представителей разных вероисповеданий" Анализируя сложные события, происходившие в Хазарии в IX в., исследователь пришел к выводу, что хазарское правительство в начальный период иудаизации хазарского общества не придерживалось в своей внутренней и внешней политике принципа религиозной толерантности и лишь в силу обстоятельств политического и экономического характера стало проявлять терпимость к представителям других религий. На основании этого М. И. Артамонов сделал вывод: "Прославленная веротерпимость хазар была вынужденной добродетелью, подчиненной силе вещей, справиться с которой Хазарское государство было не в состоянии" [Артамонов 1962, 266, 325, 327, 329, 330—331, 334, 412, 414—415].

Подобных взглядов продолжает придерживаться также Т. М. Калинина, которая считает, что веротерпимость хазарского общества можно объяснить, в первую очередь, экономическими причинами: "... ведь последователи монотеистических религий не имели права на занятие такой широкой работоторговлей, какая не возбранялась язычникам; этих последних, кроме того, можно было продавать и покупать и всем прочим — христианам, иудеям и мусульманам. Работоторговля же приносила большие прибыли хазарским правителям, получавшим доход в виде торговых пошлин и дани с соседних народов" [Калинина 2000, 16].

Совершенно противоположного мнения по этому вопросу придерживался Б. Н. Захoder: "Хазарское многоверие более чем что-либо другое отражало силу родо-племенных пережитков. Отдельный союз племен, племя или род представляли собою замкнутое общество, отделенное от другого подобного племени или рода многочисленными перегородками; религиозная разобщенность служила целям этой изоляции. Таким образом, всякая попытка установления единой религии, обязательной для всех хазар, должна была сопровождаться прежде всего ломкою этих патриархальных, но крепких родо-племенных традиций. "Борьбе за веру" отражала в идеологической сфере изменения, происходившие в социально-экономической области у хазар" [Захoder 1962, 146].

В сложившейся ситуации необходимо дать ответ на несколько вопросов: 1) насколько широко был распространен иудаизм среди самих хазар; 2) всегда ли хазары-иудеи отличались веротерпимостью; 3) приемлемы ли наши современные подходы относительно освещения событий средневековья для анализа ситуации в хазарском обществе?

Относительно масштабов иудаизации хазар необходимо отметить два подхода, которые получили распространение среди современных исследователей. Согласно первому, хазары в основной своей массе приняли иудаизм. Обычно в качестве доказательства распространения иудаизма среди незнатных хазар приводят так называемое "Письмо киевских евреев", датированное некоторыми исследователями началом X в. Там среди имен лиц, подписавших это письмо, содержатся антропонимы не только еврейского, но и тюркского (хазарского) происхождения. На основании этого О. Прицак сделал вывод: "... географическое происхождение текста в сочетании со специфическим характером имен, а также слово, написанное хазарскими тюркскими рунами, показывают, что отправители письма или их предки были прозелитами хазарского происхождения... Новый документ — Киевское письмо, — таким образом, подтверждает и демонстрирует подлинность других еврейских текстов, имеющих отношение к хазарским евреям. Оно также совместно с этими документами показывает, что хазарский иудаизм не замыкался в кругу правителей, но пустил корни по всей территории Хазарии, достигнув даже пограничного городв Киева" [Голб, Прицак 1996, 53—61].

В противоположность этому, сторонники версии ограниченности распространения иудаизма среди хазар ссылаются на сообщения средневековых источников, согласно которым иудаизм в Хазарии исповедовали правящие круги Хазарского государства, а остальная масса хазар придерживалась язычества, ислама и христианства. Так, ал-Масуди сообщает, кто в начале X в. исповедовал в Хазарии иудаизм: "Иудеями являются: царь, его окружение и хазары его рода (*джинс*). Царь принял иудейство во время правления халифа Харун ар-Рашида. Ряд евреев примкнул к нему из других мусульманских стран и из Византийской империи" [Минорский 1963, 193]. Эти сведения дополняет Ибн Русте: "Верховный глава их (*хакан*. — О. Б.) исповедует веру еврейскую; той же веры равным образом как Иша (царь. — О. Б.), так военачальники и вельможи, которые состоят при нем; прочие же Хазары исповедуют религию, сходную с религиею Турок" [Хвольсон 1869, 17].

Весьма примечательно, что некоторые исследователи до сих пор подвергают сомнению тот тезис, что все из рода хазарского кагана придерживались иудаизма. Обычно при этом ссылались на сообщение ал-Истахри, согласно которому однажды после

смерти кагана молодой претендент на престол кагана не мог стать сакральным владыкой всех хазар, потому что являлся мусульманином [Новосельцев 1990, 153]. В сложившейся ситуации возникает закономерный вопрос: не могли ли исповедовать иудаизм те группы хазарского этноса, которые экономически и политически были тесно связаны с еврейскими торговыми кругами?

Сторонники концепции вынужденного характера веротерпимости среди хазарского верховья указывали на то, что в начале IX в., в период так называемой гражданской войны в Хазарии, принявший иудаизм бек (царь) пытался силой насадить раввинистический иудаизм не только среди представителей рода кагана, но также и среди хазар и других народов Хазарского каганата, которые продолжали придерживаться прежних религиозных верований. В качестве доказательства такой конфронтации приводились сведения Константина Багрянородного о хазарах-кабарах, восставших против правительства и вынужденных в результате поражения поселиться среди венгров [Константин 1991, 155—163]. Относительно этого С. А. Плетнева сделала предположение: "Принятие иудаизма каганом, царем и всей итильской знатью оторвало их от остальной хазарской аристократии, жившей в дальних провинциях, мало связанной со столицей... Между итильской и провинциальной аристократией началась борьба за власть и влияние в каганате. Провинциалы и все, кто не принял иудейской религии, том числе христиане и мусульмане, объединились против правительства. Возникла своеобразная хазарская фронда." Этих повстанцев С. А. Плетнева считала кабарам и связала с их миграцией на Среднее Подунавье в конце IX в. могильник у д. Чаларево в Югославии. Особенности погребального обряда могильника позволили исследователю сделать вывод, что "здесь были похоронены люди, принявшие официальное иудейство, но продолжавшие верить в своих прежних богов" [Плетнева 1986, 62—64]. На основании этого некоторые исследователи даже выдвинули тезис, согласно которому религиозные реформы Обадии в IX в. привели к преследованию не только не-иудеев, но и тех хазар, которые сохраняли приверженность дораввинистическому иудаизму, принятому при легендарном царе Булане [Ачкинази 1997, 17—19].

Кроме того, М. И. Артамонов отмечал, что в списке епархий Константинопольского патриархата в начале IX в. отсутствовали упоминания почти о всех епархиях и митрополии Крыма, за исключением Боспорского епископата. Это дало основания исследователю считать, что принявшие иудаизм хазары подвергли преследованию придерживавшихся провизантийской ориентации христиан Крыма, что привело к уничтожению их церковных организаций. М. И. Артамонов также акцентировал внимание на данных некоторых мусульманских источников, в соответствии с которыми в 854 г. из Хазарии в Закавказье переселилось 300 семей хазар-мусульман [Артамонов 1962, 325—327, 329—330]. Все это, по мнению некоторых исследователей, могло свидетельствовать о преследовании иноверцев в Хазарском каганате хазарами-иудеями по религиозным мотивам.

Однако средневековые нарративные документы не содержат никакой информации относительно того, что религия хазар-кабаров и противостоящего им тогда хазарского правительства была различной. Сообщая о восстании кабаров, Константин Багрянородный ничего не сообщает о религиозных мотивах этих противоречий: "Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из восставших были перебиты, другие убежали и поселились с

урками (венграми. — О. Б.) в нынешней печенежской земле, заключили взаимную ружбу и получили название кабаров". Кроме того, недавние исследования, проведенные югославским археологом Р. Бунарджичем на кочевническом некрополе близ д. Јеларево, где были обнаружены погребения с иудейской символикой, позволили датировать возникновение памятника не концом IX в., как думали раньше, а VIII в. *Bunardzic 2002, 19—21* Следовательно, данный некрополь уже нельзя связывать с пребыванием хазар-кабаров, и поэтому вопрос об их религиозной принадлежности остается открытым.

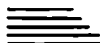
С другой стороны, сообщения византийских авторов о строительстве византийским архитектором Петроной хазарской крепости Саркел на Дону в 30-х гг. IX в. отнюдь не могут свидетельствовать о том, что именно тогда ухудшились отношения между Хазарией и Византией из-за преследования крымских христиан хазарами-иудеями. Восстание христиан Крыма в конце VIII в. под руководством Иоанна Готского, когда хазары еще не могли являться иудеями, может свидетельствовать о том, что репрессии хазар в Крыму против местного населения не имели религиозной направленности. С другой стороны, необходимо также учитывать сложную политическую обстановку в Северном Причерноморье в начале IX в., и поэтому можно предположить, что именно по этой причине сведения о нескольких епархиях Крыма тогда не могли попасть в Константинополь.

Миграция же хазар-мусульман в Закавказье в середине IX в. может рассматриваться не только как следствие религиозных преследований, но также может указывать, что для такой миграции могли быть причины экономического характера.

Однако, несмотря на вышесказанное, нельзя не отметить, что в первой половине X в. хазарский царь мог пойти на нарушение принципа веротерпимости, если это в значительной степени затрагивало интересы Хазарского государства. Так, ал-Йакут сообщает, что в 310 г. х. (922—923 гг.) царь хазар велел разрушить минарет в Итиле и казнил музззинов. При этом хазарский царь якобы заявил: "Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы [и] мечеть". По мнению средневекового автора, репрессии хазарского царя были вызваны тем, что мусульмане разрушили синагогу в Дар ал-Бабунадж. Относительно этого Б. Н. Заходер высказал мнение, что данное событие явилось лишь религиозной оболочкой длительной борьбы между Хазарией и юго-востоком Каспия (Хорезмом или Горганом), где в городе Дар ал-Бабунадж находился центр хазарской колонии [Заходер 1962, 161—162]. По мнению же А. П. Ковалевского, разрушение минарета в Итиле могло стать реакцией хазарского правительства на багдадское посольство в зависимую от хазар страну волжских булгар, предпринятое в это же время с целью распространения ислама и укрепления позиций аббасидского халифа на Средней Волге [Ковалевский 1956, 273, прим. 957].

Кроме того, анонимный автор "Кембриджского документа" сообщает, что при хазарском царе Вениамине аланы Северного Кавказа являлись вассалами хазар и определенная их часть придерживалась иудаизма. Но во времена хазарского царя Аарона политическая ориентация царя аланов изменилась и он пошел на сближение с Византией, что привело к распространению христианства в Алании. Несколько позже Аарон сумел победить союзника Византии — правителя Алании, и тот снова стал вассалом хазарского царя и стал проводить религиозную политику в интересах хазар. Однако в

данном случае хазарский царь обошелся милостиво с побежденным царем аланов: он "оказал ему великий почет и взял его дочь в жены своему сыну Иосифу" [Голб, Прицак, 1996, 136, 141]. В неразрывной связи с этой информацией находится сообщение ал. Масуди об отречении аланов от христианства и изгнании христианских священников из Алянии в 320 г. хиджры (932 г.) [Голб, Прицак 1996, 162, 163].

Тем не менее, данные факты представляли собой лишь единичные случаи и могут свидетельствовать о том, что в первой половине X в. сложные политические события трактовались средневековыми авторами как проявление религиозной борьбы.

К большому сожалению, многие современные исследователи, как и авторы средневековых текстов, в силу сложившейся традиции, до сих пор сводят все события истории Хазарского каганата периода иудаизации к вопросам религиозного противостояния. Однако не стоит забывать о кочевом происхождении хазар и многих народов Хазарского каганата, у которых в значительной степени продолжали сохраняться традиции кочевого общества, подчиненные отнюдь не законам развития земледельческих цивилизаций. Весьма примечательно, что веротерпимость и поликонфессиональность были присущи не только хазарам, но и другим кочевым народам, создавшим политические объединения.

Так, во времена раннего средневековья среди различных групп уйгуров, тюркютов, протомонголов и других этнических групп, проживавших в Центральной Азии, стали помимо язычества, одновременно распространяться несторианское христианство, манихейство и буддизм. Весьма примечательно, что это в большинстве случаев не приводило к столкновениям на религиозной почве между кочевниками Центральной Азии. Исключение может составлять только Уйгурское государство, где захватившие в VIII в. власть манихеи стали преследовать своих соплеменников, исповедовавших другие религии.

В связи с религиозной толерантностью особый интерес представляют для нас раннесредневековые бедуины домусульманской Аравии. Академик А. Крымский, который специально занимался этим вопросом, в своей работе "История арабов и арабской литературы" отметил, что в предмусульманский период кочевники-бедуины степей Аравии исповедовали различные религии, в зависимости от религиозных традиций близлежащих народов и государств — языческий политеизм в Центральной и Западной Аравии; монофизитское христианство среди врабов-гассанидов в Восточной Палестине; несторианское христианство и зороастризм среди приефратских арабов Хиры; иудаизм в Северной, Западной и Юго-Западной Аравии. По замечанию А. Крымского, до принятия ислама Мекка с ее храмом "Кааба" являлась местом паломничества местных бедуинских племен и "каждое племя поставило в Каабе статую своего божества, даже христианская Богоматерь с младенцем-Иисусом здесь оказалась". Все это позволило академику сделать вывод, который не должен вызывать особых возражений "...в жизни арабов, народа черезчур практического, черезчур трезвого, религия не играла почти никакой роли. Все идеалы и вся этика жизни строились на гордом племенном принципе, на чести племени: долг кровной мести, гостеприимство, защита прав гостя и т. п. "Нравственные" обязанности вытекали из идеи о чести племени. Религия в этой этике не являлась мотивом. И вообще, к религиозным запросам практический араб времен Мохаммеда, особенно кочевник, был также равнодушен, как и нынешний бедуин". Поэтому неудивительно, что после смерти Мохаммеда в 632 г. "при известии

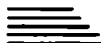

о смерти Пророка сразу отпала почти вся Аравия". Даже во времена мусульманских завоеваний, по убеждению А. Крымского, "общая масса завоевателей не знала ни Корана, ни его существенных предписаний и даже не питала симпатий к исламу". В качестве доказательства этого исследователь привел эпизод, когда после знаменитой Кадисской битвы в 637 г. халиф Омар повелел полководцу Саиду наградить тех храбрцев, которые отличились не только в битве, но и "знают на память наиболее длинные отрывки из Корана". Как выяснилось, никто из них практически ничего не знал из Корана [Крымский 1912, 87—92, 126—127].

Такое же равнодушие к вопросам религии и религиозная толерантность наблюдались и среди кочевников других регионов Евразии. Так, обитавшие в восточноевропейских степях половцы также придерживались не только язычества, но и благодаря матримональным связям со славянами очень быстро переходили в христианство [Толчок 1999, 146—149]. Наиболее же яркий образец веротерпимости продемонстрировали монголы, создавшие свои государства на обширных просторах Евразии. Известно, что на Дальнем Востоке Великий хан монголов, принявший буддизм, не преследовал своих подданных из числа христиан и мусульман, а наоборот заботился о том, чтобы они продолжали придерживаться своих прежних религиозных верований. В связи с этим особый интерес представляет переписка главы римско-католической церкви папы Бенедикта XII с монгольским императором Токалмут-ханом относительно аланов-христиан, которые, находясь на службе у Великого хана монголов в Китае, оказались в начале XIV в. без духовного наставника. В письме, написанном в 1336 г., Токалмут-хан настоятельно просил Папу Римского прислать кардинала для его подданных аланов-христиан. При этом сам монгольский император соглашался на многие условия представителей католической церкви ради того, чтобы христианский епископ постоянно находился в его государстве на Дальнем Востоке. Эта деятельность привела к тому, что в 1338 г. на Дальний Восток, по поручению папы Бенедикта XII и по просьбе Токалмут-хана, отправился католический легат Дж. Мариньола [Хеннинг 1962, 224—230]. Данный эпизод интересен также тем, что свидетельствует о неразборчивости монголов в вопросах христианского вероучения. Иначе чем можно объяснить то, что монгольский император просил прислать к православным аланам католического кардинала?

Аналогичная ситуация наблюдалась также в Золотой Орде, где ислам стал официальной религией только лишь в 1312 г. во времена хана Узбека. Однако это не привело к преследованию последователей других религий. Известно, что до этого монголы придерживались не только языческих верований, но были хорошо знакомы с несторианским христианством. Об особой веротерпимости монголо-татар Восточной Европы именно в начале XIV в. свидетельствует побывавший в Золотой Орде венгерский миссионер Иоганка в своем письме к генералу Ордена миноритов, отправленном в 1320 г.: "...татары военной мощью подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто какой веры держится — с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они [подданные] делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону. Они даже сохраняют такую свободу христианам, что многие, женись и держа большую семью, становятся иногда богаче своих господ, причем господа те не решаются коснуться имущества рабов и даже зовут их товарищами, а не рабами; но когда господа идут в бой, те вооружившись следуют за ними,

честно служа против сарацинов, сражаясь с ними и соблюдая верность договору" [Аннинский 1940, 91]. Если следовать данному фрагменту и информации других источников, то даже принадлежность к исламу не останавливала золотоордынцев в борьбе с соседними мусульманскими государствами. Что же касается религиозной толерантности монголо-татар Золотой Орды, то это находит также подтверждение на материалах археологических раскопок. Как свидетельствуют данные археологии, в XIII—XIV вв. в степях Северного Причерноморья и в бассейне Северского Донца не только продолжали функционировать поселения домонгольского времени, но даже появились новые крупные населенные пункты, население которых хоронило своих умерших на близлежащих христианских кладбищах (Маяки, Сидорово, Благовещенка, Каменка, Каиры, Мамай-Сурка и т. п.) [Козловский 1992, 158—164; Ельников 2001]. Известно, что в монгольский период на территории Золотой Орды продолжали сохраняться митрополия и епархии, подчиненные Константинопольскому патриархату [Малов и др. 1998, 75—93].

Таким образом, в средние века поликонфессиональность, и в соответствии с этим веротерпимость, были присущи не только хазарам, но и другимномадам. В этом следует видеть одну из закономерностей в развитии кочевого общества, где даже в период создания государств продолжали доминировать прежние родо-племенные отношения. На примере хазар мы видим, что кочевое общество в силу определенных обстоятельств оставалось разделенным на отдельные кланы и племена, которые продолжали проживать на обширных территориях. В результате этого устанавливались контакты с различными земледельческими цивилизациями, что приводило к поликонфессиональности даже в среде господствовавшей этнической группы (в данном случае хазар). Поэтому преследование за религиозные убеждения могло привести к нарушению целостности не только политического объединения — Каганата, но и самого господствовавшего над другими народами хазарского этноса.

Литература

- Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. - Т. III. - Москва—Ленинград, 1940.
- Артамонов М. И. История хазар. - Ленинград, 1962.
- Ачкинази И. В. Условия формирования иудейских общин на территории Крыма в хазарский и послехазарский периоды // Международная конференция "Византия и Крым". Севастополь, 6—11 июня 1997. - Симферополь, 1997.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. - Москва—Иерусалим, 1996
- Григорьев В. В. О двойственности верховной власти у хазаров. - Санкт-Петербург 1834.
- Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка. - Т. I. - Запорожье, 2001
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. - Т. I. - Москва, 1962
- Калинина Т. М. О веротерпимости в Хазарии // IV сходовознавчі читання А. Кримського. Тези міжнародної наукової конференції. - Киев, 2000.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. - Харьков, 1956.

- Козловський А. О.* Историко-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. Київ, 1992.
- Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. - Ленинград, 1932.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. - Москва, 1991.
- Крымский А.* Хазари // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского.
- Крымский А.* История арабов и арабской литературы. - Ч. 2. - Москва, 1912.
- Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушкин А. И.* Религия в Золотой Орде. - Саратов, 1998.
- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. - Москва, 1963.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. - Москва, 1990.
- Плетнева С. А.* Хазары. - Москва, 1986.
- Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. - Киев, 1999.
- Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Дада. - Санкт-Петербург, 1869.
- Хеннинг Р.* Неведомые земли. - Т. III. - Москва, 1962.
- Bunardzic R.* Celarevo – Necropolis and Settlement of the VIII-th – IX-th century // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. - Москва, 2002.
- Dunlop D. M.* The history of the Jewish Khazars. - New York, 1954.
- Pritsak O.* The Khazar Kingdom conversion to Judaism // Harvard Ukrainian studies. - 1978. - Vol. II. N 3.

